

ПОЭЗИЯ С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЛИЦОМ

(о стихах А. Солодова и Л. Маркеловой)

Начитавшись слащавых предисловий Муллина, Азанова, Генералова к сборникам саратовских поэтов, где что ни слово — то «шедевр», где сравнения с Пушкиным и Петраркой — привычное дело, решила прочитать эти сборники независимым взглядом и дать прочитанному справедливую объективную оценку. Слава богу, не завишу ни от служебных, ни от клановых, ни от денежных отношений, и могу говорить — что действительно думаю. Надо сказать, что такие преувеличенно восторженные предисловия достигают обратного эффекта. За кого их авторы нас всех принимают? У нас что — нет своих глаз, сердца, вкуса, культуры? И мы уже не в состоянии отличить солнца от тени, агнцев от козлиц? Прочитав очередной панегирик, ищешь — где же всё это? А его нет. Обман. Под красивым фантиком предисловия нет обещанного, и если не пустота — то в лучшем случае вместо дорогой «Белочки» — дешёвая карамелька.

Перелистывая принесённые мне книжки, я начала читать с невольной придиричивостью во взоре, приготовившись от души посмеяться над графоманскими перлами. Но первый же сборник меня обескуражил и обезоружил. Что-то мешало одёргивать за несовершенные строчки. Чистота, доброта, нежность, жалость, тоска. Они были не-под-дельными, вот в чём дело. Душа автора болела по-настоящему. И я это чувствовала. Когда человек говорит с тобой о главном, сокровенном, и ты чувствуешь, как для него это важно — ты не будешь замечать, насколько правильна у него речь или черты лица, насколько безупречна одежда. Ты отзовёшься сердцем. Ну, а детали — они тоже, конечно, важны, но это уже вторично.

Сборник Алексея Солодова «Завещание». Как-то так получилось, что я никогда не слышала об этом поэте, не попадались мне его стихи раньше. Читала, и душа купалась в волнах теплоты, света, сердечности, сопричастности всему, о чём он пишет.

Я тебя подожду на перроне с вокзала
в тех перчатках, что ты мне когда-то связала.

Всю ночь кричала громко птица,
луна плыла.
Мне мама не могла присниться,
она была.

Это не придумано, не сочинено, это пережито.

Поверьте мне: и через много лет
вам будет так же больно, как вначале.

Верю. «Знаю из опыта», как говорила Цветаева. Я читала, и меня не покидало чувство душевного родства с этим незнакомым мне человеком. Мне близка эта тема памяти («мама-акация» — это ведь и в моих стихах тоже, поразительное совпадение или перекличка), ностальгическая тоска по невозвратимому и светлая радость благодарности судьбе, что это у тебя было. Запомнились и бумажный кораблик, и любимый голос, оставшийся на плёнке, и «Тамбов 31-го года» — родной город матери, и обиженные нами «вчерашние вещи», и парашют нераскрывшейся жизни.

Стареющий мальчик сдаваться не хочет,
он крылья свои опускать не намерен.

Стареющий мальчик? О нет. Вечный мальчик, вечный ребёнок. «Он наделён каким-то вечным детством» — писала Ахматова о Пастернаке. Поэт должен во что бы то ни стало сохранить в себе это. Но, если быть откровенной до конца, то иногда, в каких-то строчках — слишком «мальчик»: порой проскальзывает что-то сентиментальное, сюсюкающее, заставляющее вспомнить свою «Немужскую поэзию»:

Я б тебе нашёл скамеечку,
на которой ночью лунною
мы с тобою сядем рядышком,
как воробышки...

Пролетят над шумным городом
два листочка — я и ты.

Упаду календарным листочком с балкона...

Избегать нужно подобных вещей, всех этих уменьшительных суффиксов. Но это не главное, далеко не главное в стихах Солодова. Так, досадная мелочь. Вспомнился Борис Рыжий: «Мне не хватает нежности в стихах. А я хочу, чтоб получалась нежность...» У Солодова получается. Искренняя, непоказная. Подкупает интонация — естественная, доверительная. Ему веришь. Он умеет любить, помнить. Его стихи вызывают желание встретиться с автором, поговорить по душам, как с близким человеком. А это дорогого стоит.

Сборник Любви Маркеловой «Суждена мне даль». Судя по фотографии, уже немолодая женщина, а меня не покидало ощущение, что пишет девчонка, сохранившая какое-то детское изумление перед неожиданным ударом или подарком судьбы.

Что так близка разлука — я не ведала,
что так коварно я тобою предана,
что боль такую сильною окажется
и что так долго в сердце не уляжется...

Два одиночества — встреча неожиданная,
в небе пророчество светит туманное.
Берег надежды возник ниоткуда —
цветом шиповника, пламенным чудом.
Миг подарила судьба неожиданно,
счастья глоток в упоенье невиданном.
Радость в груди вопрошает тревожно:
«Лето зимой — разве это возможно?»

Как трогает эта нежность души, способность очеловечить и козу, боявшуюся грозы, ибо она «не знала тайны мироздания», и лес, умиравший под бензопилой:

Сосновый лес стонал, шумел тревожно,
с бензопилой поспорить невозможно.
Прощалась с небом синяя дубрава,
над лесом шла жестокая расправа.

Валились ели, сосны вековые,
рубилась ветки, всё ещё живые,
неподалёку плакали берёзы,
и капали беспомощные слёзы.

И лишь дубы задумчиво молчали,
стояли гордо, но в большой печали.
Запоминая навсегда, смотрели,
как умирали их подруги ели.

И. Васильцов в предисловии к книге Маркеловой умилился её «весенним денькам» и напевным строкам. А я запомнила другое: и женскую тоску, и боль одиночества.

Я научилась не хотеть
того, что так хочу иметь,
того, что потеряла вдруг,
и пустота кричит вокруг.

Звенящий ветренный рассвет
стирает счастье прошлых лет.
Тоскует музыка со мной...
О сколько боли мне одной!

Ну как можно не отозваться душой на этот крик боли? И, право же, не хочется рассуждать, напевен ли этот крик, хочется просто посочувствовать и помочь. А это в наш шкурный век не мало. Далеко не каждые стихи могут вызвать в нас сопереживание.

В предрассветной тиши глухо сердце заныло.
В молчаливых стенах одиночество выло.
И в стакане, на дне притаилась беда.
И тогда в мою ночь заглянула звезда.
Высоту раздвигая, я быстро летела,
до звезды дотянуться рукою хотела.
Надо мною простора катилась волна.
Окружала лучистых светил тишина.
И была лишь душа, я не знала, где тело.
Но вернуться назад я совсем не хотела,
вновь вернуться туда, где реален обман,
где высокую мысль подменяет туман.
Позвала высота то ли в рай, то ли в ад...
Только я не хотела вернуться назад.

Подкупает в этих стихах и то, что боль поэтессы не надрывна, не криклива, не навязчива — она словно подёрнута лёгкой дымкой грусти. «Печаль моя светла».

Я вернусь, когда в мареве белом
утопают сады по весне.
Тронешь плечи объятьем несмелым,
только будет всё это — во сне.

Бывают люди — ничем вроде бы не примечательны — ни лицом, ни статью, ни особым умом, но что-то необъяснимо влечёт к ним — какое-то бесхитрое обаяние, душевная открытость, сердечная теплота. Вот что, казалось бы в этом простеньком стихотворении? Ничего. А как цепляет:

Светлая палата,
белый потолок.
Наверху распятый
серый паучок.
Мысли-паутинки
в перекатах грёз,
лёгкие грустинки
в каплях светлых слёз.
Золотистым ветром
заглянул апрель.
Я навстречу свету
распахнула дверь.
Солнечные нити
я вплету в узор.
Сетью-паутинкой
твой поймаю взор.
Чистый воздух льётся,
пьёт весну, любя.
Птичий гам несётся.
...Как я жду тебя!

Эти стихи беззащитны перед строгим критическим взглядом: придаться можно ко многому. Но не хочется придаться! Стихи обезоруживают. Вернее, личность автора, которая в них просвечивает.

В душе моей две грани — свет и тьма.
Сверкает первая, в тени — другая.
А память — как гружёная корма,
я в ней незащищённая, нагая.

Хочется не нападать, а защитить. Защитить от холодного равнодушного взгляда, от эстетско-снобистского пренебрежения. Вспомнилась статья М. Цветаевой «Искусство при свете совести», её восторженные слова о неброских стихах безвестной монахини: «После этих стихов я испытываю чувство стыда за свои собственные». Сказано, конечно, с перехлёстом, но ведь понимаешь, почему, *что* она ставила в данном случае неизмеримо выше искусства.

Ну, а недостатки... Они, конечно, есть. И я не умолчу о них, как бы мне ни хотелось, хотя бы из уважения к автору, чтобы не унижать его снисходительным подходом. Банальные строчки:

Я взглядом прикоснулась к небесам —
открылась мне волшебная краса:
сияет радуга над синею рекой,
царит душистый ласковый покой.

О как богата красками земля!
С дугою-радугой ликую я.
Теперь иначе вижу мир большой,
теперь богаче становлюсь душой.

Или:

Ликует и рвётся к свободе душа,
прозрела нежданно, как жизнь хороша!

Такое искренне расстраивает. Надо требовательнее относиться к отбору. Плохо, когда стремление к «красному словцу», к эффектной строке — в ущерб простоте и подлинности. Но плохо и когда стремление говорить сердцем полностью подменяет профессиональное мастерство, тонкость и глубину мысли, опускается до пустого словоговорения.

Встречаются неудачные, почти пародийные строки: «Тоскою занемевших ног ты ощутил свою вину», «Страсть не снять, не сгубить — как проказу». К счастью, таких немного.

Чем отличается такая поэзия — несовершенная, неискушённая в секретах поэтического ремесла, нередко грешащая тривиальностью — от обычной графомании? Тем, что графомания не способна тронуть сердце, там всё мертво изначально, несмотря на внешнее оперение, многочисленные публикации и награды (Амусин, Куракин, Грачёв, Генералов, Глубоков). Да, это не высший пилотаж (Борцова, Шаров, Кремер), когда стихи пьёшь по глоточку, наслаждаясь, как утончённый напиток. Эти стихи — простая горбушка хлеба и кружка чистой колодезной воды, но это то, что может утолить душевный голод и жажду «в минуту жизни трудную».

Вот только чтоб нечестною не стать —
не называй парчой лоскутья ситца.
Парча — нетленна. Ситцу же — носиться,
меняться, мяться, в стирке выцветать.
Но в смертный час придут согреть тебя
все те, кого ты лаской одеяла.
Лоскутное — а всё же одеяло
под чёрным сквозняком небытия.

Майя Борисова писала это о любви. О том, что и маленькая, не вечная любовь может быть подлинной и настоящей, как тёплая ручная синица в руке взамен недоступного журавля в небе. Мне кажется, что это же определение можно отнести и к стихам. «Лоскутное одеяло» сборников А. Солодова, Л. Маркеловой, Е. Тарасовой, В. Соколовой согреет в душевную стужу, подарит тепло человеческого участия, спасёт от чёрных метафизических сквозняков. Ты почувствуешь, что ты не один и улыбнёшься сквозь слёзы.

Май 2010